

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 9

С 146
371

Лев НИКУЛИН

ИНЖЕНЕР ДЮНУА

РАССКАЗЫ

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1951

— Все же как странно, что я вас не узнал.

Шумский улыбнулся:

— Значит, я действительно сумел перевоплотиться в студента Трофимова.

Часы показывали пять. В восемь отходил мой поезд. Мы простились.

И, прощаясь с лейтенантом запаса, с артистом Шумским, я понял, почему так проникновенно, так горячо и сильно прозвучали в устах этого человека слова: «Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле...»

ИНЖЕНЕР ДЮНУА

Инженер Поль Дюнуа стоит у окна своего кабинета на шестом этаже, в доме на улице Молитор.

Над крышами Парижа клубится осенний туман, электрические огни реклам окрашивают небо зловещим розовым заревом. Третий час ночи. Дюнуа не спит. Он чувствует себя нездоровым; болезнь его состоит отчасти в том, что он почти мгновенно засыпает, спит недолго, не более получаса, потом просыпается и не спит до утра.

Вокруг — в комнатах и на улице — тишина, изредка прошуршит под окнами такси. С улицы фонарь отбрасывает на занавеси резкие тени — ствол платана и голые сучья.

Впереди семь ночных часов, семь часов тяжелых размышлений, грустных воспоминаний, горькой печали.

Дюнуа думает о прошлом, о далекой молодости. Настоящее его огорчает, будущее страшит. Он видит на стене в ореховой раме диплом инженера, диплом Высшей электротехнической школы, видит фотографию молодого человека в светлом костюме и девушку с букетом цветов. Таким он был сорок лет назад. Какая самоуверенность в глазах, какая самонадеянная улыбка!.. Неужели это он, Поль Дюнуа, желтый, сморщенный, с согбенной спиной! Он вздыхает, опирается о стол, выдвигает ящик стола. Он достает плотные глянцевитые карточки, на них цифры и цифры. Вот, наконец, последняя дата — 1947 и ноль. Это — все, что осталось от его трудовых сбережений, это бааланс его счета в банке после сорока лет непрерывного труда. Это — все. Все, кроме акций компании по производству огнетушителей «Аризаль». Красивая, плотная бумага, но она ничего не стоит.

Дрожат стекла в окнах, слышен глухой отдаленный шум. Это прошел по эстакаде поезд окружной железной дороги. Значит, без четверти три. Дюнуа мучит изжога. Он пьет минеральную воду, но жажда не проходит.

Он опять думает о прошлом: дом в Туре, где он родился, отель на Алезия, где он жил в студенческие годы, свадьба, рождение дочери Сюзанны. Потом родился Пьер, а через три года — Жак...

Пьер, бедный Пьер!.. Дюнуа помнит прощанье на Северном вокзале — голубоватую шинель пехотинца, шлем. Когда мальчик обнял отца, он снял шлем, прядь мягких светлых волос опустилась на лоб. Он улыбнулся, но тут заплакала мать, Жакелина, она точно предчувствовала, что больше не увидит сына...

Он, отец семейства, инженер Дюнуа, тогда еще верил в линию Мажино, в гений генерала Гамелена и в то, что гитлеровцам не выдать Парижа... Потом пришлось бежать на юг, жить долгие месяцы в Перпиньяне, там ушли почти все сбережения. Но, по крайней мере, он не видел гитлеровцев в Париже и не просил помощи у брата Жакелины, Андре... Этот тип хорошо устроился в Виши, где-то в передней у маршала Петэна. Он хорошо устроен и теперь, этот спекулянт и предатель. Кажется, Леру говорил, что Андре отлично заработал на плане Маршалла, дружит с американцами, как когда-то дружил с господами из Виши...

«Не надо волноваться, — думает Дюнуа и щупает свой пульс. Сильные, частые удары, — значит, потом будет прилив крови к затылку. — Не надо волноваться».

Он смотрит на часы. Светящиеся стрелки показывают четыре.

Это часы его сына, Пьера. Отец подарил ему часы, когда Пьер кончил лицей. Это — все, что осталось от мальчика. Его друг, сержант Лепом, снял с руки умирающего часы. Пьер был уже без памяти. Инженер Дюнуа снова думает о сыне. Он видит его в светлой рубашке с расстегнутым воротом, с теннисной ракеткой в руке.

«Да, мы были виноваты, мы позволили этим продажным тварям вроде Боннэ продать Францию, мы отдали Францию в руки двухест семейств, в руки капиталистов... В конце концов, Сюзанна права, когда она ходит на митинги коммунистов, они храбро дрались в движении сопротивления. В сущности, они правы и теперь, когда клеймят эту «грязную войну» во Вьетнаме... Теперь взяли в казармы Жака, моего младшего... Что

его ждет? Не надо волноваться, — думает Дюнуа, — не надо, врачи предписали полный покой...»

Он чувствует прилив крови к вискам, в ушах звенит, ломит затылок. Надо принять лекарство. Патентованное средство чертовски дорого стоит... Наконец снотворное валит Дюнуа с ног. Это не сон, а какой-то провал в пустоту, в мрак и безмолвие.

В восемь часов утра Дюнуа открывает глаза. Болит сердце, немеют концы пальцев. Кто бы мог подумать, что Поль Дюнуа был спортсменом, гонщиком, таким, как на фотографии. Он садится за письменный стол, перечитывает письма, написанные с вечера. Перебирает конверты: сверяет адреса. Лиссабон, Филадельфия, Лондон, Цюрих...

Тем временем встает дочь, Сюзанна. Она садится за машинку, и до десяти утра Дюнуа диктует ей письма. Иногда он останавливается на полуслове, силится вспомнить, о чем идет речь в письме, со слабой, страдальческой улыбкой смотрит на дочь. Она видит синие жилки на висках отца, восковое лицо и вдруг ужасается: ей чудится отец в профиль, в раме гроба, с руками, сложенными на груди.

— Мы остановились, — говорит она, — мы остановились на «вполне солидном предложении мистера Роберта Хемпфриса относительно искусственных цветов из стекла...»

Дюнуа некоторое время молчит.

— Чорт их возьми, — говорит он, — стоило получить диплом, иметь тридцать пять лет стажа, чтобы заниматься такой чепухой! Пиши, Сюзанна: «...я предложил ваши прелестные цветы из стекла нескольким владельцам похоронных контор, другого применения вашему интересному изобретению я пока не мог найти. Что же касается предлагаемой вами комиссии, то она слишком ничтожна, и я, к сожалению, вынужден возвратить вам присланные образцы цветов...»

Он разводит руками:

— Может быть, это слишком резко, Сюзанна?.. Ах, все равно!

К десяти утра все деловые письма написаны. Дюнуа открывает стеклянную коробочку для почтовых марок, но она пуста. Дюнуа идет на кухню. Шипит газовая горелка, и жена Жакелина уставилась неподвижным взглядом на синий венчик горящего газа.

— Прости, Жакелина... Мне нужны марки.

Она повернулась к нему и долго глядит на него:

— Ты дал мне жалкие гроши, на них я должна кормить

троих два дня! Вчера ты тоже взял у меня на почтовые марки и метро. Сегодня — та же история! Возьми все, что осталось, и мы будем умирать с голоду!

И она бросает смятые кредитки на стол.

— Жакелина... — беззвучно шепчет Дюнуа, — что я могу сделать? Может быть, одно из этих писем нам принесет счастье. Помнишь, в прошлом году мне повезло... Я заработал на три месяца жизни. Притом я сегодня не буду завтракать, меня пригласил Аеру...

— Поль, — говорит Жакелина, и голос ее дрожит, — Поль... Может быть, ты все-таки пойдешь к Андре?..

Андре Лавиль, все тот же Андре — брат Жакелины, тот самый, который умел ладить с гитлеровцами и отсиживался в Виши...

— Мама! — кричит Сюзанна, — как ты можешь...

— Молчи! Молчи, Сюзанна! Ты не жалеешь отца! Посмотри на него! Он стал, как тень, в эти проклятые дни... Мы нищие. — И ты посылаешь его к предателю, вору!..

Поль Дюнуа бледнеет, слабеют его ноги, и он опускается на стул.

— Он обещал нам помочь... Он сделает это для меня, — чуть слышно говорит мать.

— Откуда ты знаешь? — вытирая пот со лба, говорит Дюнуа.

Жакелина опускает глаза:

— Ну, хорошо... Я скажу. Я была у него.

— Мама!

Хлопнув дверью, Сюзанна уходит к себе.

Дюнуа медленно поднимает голову и спрашивает:

— Ты была у него? Когда?

— В воскресенье. Он заставил меня ждать, каналья... Этот негодяй, которому я тайком от тебя послала деньги, когда он был под следствием в связи с аферой Ставицкого... Ты бы посмотрел, как он теперь живет!

— И ты была у него?

— Да... Что я могла делать? Я вижу, что ты гибнешь... Доктор сказал, что тебе надо ехать в Руайя лечиться, что ты не должен работать! Это тебя убивает!

Дюнуа тяжело вздыхает:

— Что же сказал тебе мсье Андре Лавиль... то есть, вернее, мистер Эндрю Лэвиль?.. У него даже визитные карточки на английском языке.

— Сказал, что ты был с ним невежлив, когда увидел его в первый раз... после Виши.

— Еще бы... Ну и что же дальше?

— Он сказал, чтобы ты пришел к нему. От пяти до шести он всегда в баре, отель «Кларидж», на Елисейских полях.

Дюнуа медленно поднимается, он глядит на часы.

— Скоро десять, — говорит он и уходит в свою комнату.

Жакелина глядит ему вслед, вытирая передником слезы. Ей жаль доброго и несчастного человека. Он не виноват. Проклятое время, проклятая жизнь.

Дюнуа идет к письменному столу, глядит на диплом Высшей электротехнической школы, машинально вытирает платком стекло и раму. Стирает пыль со старенькой пишущей машинки. Расставляет кресла, точно сейчас войдет клиент и он, инженер Дюнуа, даст ему солидную техническую консультацию. Но последний клиент приходил полтора года назад.

Он опускается в кресло, нужно ухаживать, но кружится голова. Надо подождать, это пройдет. Он не замечает, как сквозит стеклянную дверь на него с тревогой смотрит дочь, Сюзанна, высокая худенькая девушка в роговых очках.

Звонок. Консьерж принес почту. Он не сказал даже «здравствуйте». Третий месяц он не получает ни сантимов от Дюнуа. О домовладельце нечего говорить. Консьерж напоминает, что за эту треть года Дюнуа заплатил только половину квартирной платы. Что будет дальше? Проклятая квартира — четыре комнаты, снятые для представительства в лучшие времена. Она его режет.

Почта: два преysкуранта бельгийских фирм. Письмо из Чикаго: дело со счетными машинами не выходит. Со стеклянными цветами тоже. Ну, конечно, что понимает инженер Дюнуа, строитель электростанций, в искусственных цветах из стекла? Но разве он не заработал однажды на японских консервах? Надо кормить жену, дочь и себя. Сын второй месяц в казармах, и это тоже к несчастью... Кажется, их все-таки пошлют во Вьетнам... Еще письмо — от налогового инспектора.

Ему стало легче, головокружение проходит. Он берет на руку старенькое пальто-дождевик. Кофе он выпьет у стойки в кафе на углу. Это дешево. А может быть, подождать? В двенадцать часов у него свидание с мсье Леру на Больших бульварах, в кафе «Мадрид». Может быть, Леру угостит его завтраком.

Дюнуа берет со стола портфель. В коридоре он слегка ушибает колено о фанерный ящик. В ящике искусственные цветы

из стекла, патент мистера Хемпфриса. Их надо отослать, но посылка стоит недешево. Подождем лучших времен.

Дюнуа на улице. Туман и сырость. Автомобиль братьев Леказ стоит у подъезда. Отличный бьюик последнего выпуска. Они продают машину. Надо иметь в виду. Можно заработать на комиссии.

Дюнуа покупает марки, остается немного мелочи на метро.

До двенадцати он успевает заглянуть в комиссионное бюро «Лютеция». Есть надежда заработать на перепродаже американских телевизоров. Но с ним не хотят разговаривать — разве Дюнуа не знает, что клиент мерзавец, он сбежал, не доплатив за телевизоры? Дюнуа рассказывает о бьюике братьев Леказ. Это подходит. Одна дама, датчанка, живет в Монруже, она хотела приобрести по случаю хорошую машину. Машина братьев Леказ в прекрасном состоянии.

Если дело с машиной выйдет, можно будет заплатить за квартиру, выкупить мелочь из ломбарда, потом продать.

— Бьюик? Какого года? Да, это подойдет. Но для этого надо уговорить даму купить машину, а братьев Леказ — ее продать. Посмотрим...

Дюнуа спешит на бульвары. Его слегка тошнит, он думает: это от воздуха в метро — плохая вентиляция.

Он приходит в кафе «Мадрид» с маленьким опозданием. Плохо. Леру уже расплатился. Теперь он не заплатит за кофе Дюнуа.

— Вы умный человек, — говорит Леру, — какие могут быть дела в это проклятое время! Думаешь о том, как бы сохранить шкуру. Надо как-нибудь дожидаться войны. Тогда будут дела. Но надо вовремя уехать. Я опять уеду в Португалию. С Португалией никто не будет воевать. Она где-то в стороне. Кстати, вы писали в Лиссабон?

— Я жду деловой информации.

— Послушайте, Дюнуа, вам надо купить пальто. У вашего дождевика плохой вид. Притом холодно. Вы не юноша. К тому же надо поддержать честь фирмы. Зачем вы возитесь с этими стеклянными цветами? Вы способный инженер. Почему вы ушли от Филиппа? Разве это дело для человека ваших лет — заниматься мелкими комиссионными сделками?

— Вы же знаете: меня уволили... Филипп предпочитает инженеров из политехнической школы. Он сам политехник и взял на мое место фашиста из политехнической школы. Политехники держатся друг за друга.

— Да, они держатся друг за друга. Вы для них слишком

левый. Притом кто-то сказал Филиппу, что ваша дочь — коммунистка.

На этом кончается свидание с Леру. Леру уходит. Дюнуа сидит в тяжелом раздумье.

«Дети, — думает Дюнуа, — Сюзанна и Жак, мои дети...»

Дюнуа положил газету в карман. У него хватит денег заплатить за кофе, останется немного на метро.

В кафе накрывают столы, режут хрустящий длинный белый хлеб. Надо уходить. Подошел Моле. Способнейший инженер, кончил вторым электротехническую школу.

— Ты уходишь, Поль? Незаметно передай мне твой кофе. Гарсон не заметит, мы это делаем часто. Мерси. У меня свидание с клиентом здесь в половине первого...

Дюнуа уходит. Надо ехать домой, может быть, ему оставили немного зеленого горошка. Консервы? Врач запрещает. Ах, все равно. Он думает о судьбе Моле. Несчастный. Золотая голова... Теперь сидит за чужим кофе и ждет клиента. А Леру? А Лавиль? Нет, несправедливо устроен этот мир. Друзья Сюзанны правы.

Дюнуа поднимается на поверхность земли. Опять мокрые листья платанов, мокрые фасады домов, желтые вывески на арках эстакады. Как ты печален, Париж!.. У Дюнуа на глазах слезы. Пятьдесят восемь лет, отец двух взрослых детей... Нельзя, чтобы кто-нибудь заметил слезы. Он поднимается по крутой лестнице, отдыхая на площадках. Как болит сердце!.. Наконец шестой этаж. Он вытирает слезы и звонит.

— Сюзанна, — говорит он дочери, — Леру рассказывал забавные истории о шотландцах: один шотландец приходит к дантисту...

Сюзанна принужденно улыбается. Жакелина тоже. Отец в хорошем настроении. Может, вышло дело с телевизорами?

— Я была в конторе на улице Мира. Записано двести одиннадцать стенографисток. Я двести двенадцатая... Надо справиться каждый четверг. Работу получают две-три девушки. Значит, надо ждать два-три года.

— Пойди отдохни, Поль, — говорит Жакелина.

Дюнуа отдыхает в кресле. Он берет со стола газету Сюзанны. Это «Юманите». В воскресенье на стадионе митинг сторонников мира.

В три часа он идет к налоговому инспектору.

— Мсье Поль Дюнуа? Улица Молитор, восемнадцать? Вы должны...

Инспектор называет крупную сумму.

Дюнуа молчит.

— Плохо, — говорит инспектор, — мы продадим с аукциона.

— Вы выручите гроши. Цены так упали.

Дюнуа уходит. Он долго стоит в раздумье у станции метро. Он все еще колеблется. Какая-то загроможденная девица взглянула ему в лицо. Нет, это для нее не клиент. Фыркнув, она уходит. Какой-то тип с золотыми зубами, жуя резинку, останавливается против Дюнуа и, дыша алкоголем, спрашивает с английским акцентом адрес непристойного дома.

Дюнуа не отвечает и спускается в метро, он чувствует, как от духоты и ржавого, влажного тепла у него замирает сердце.

В начале шестого он на Елисейских полях. Он входит в холл отеля «Кларидж». Гигант-швейцар бросает косой взгляд на его старенькое непромокаемое пальто.

— Мсье Андре Лавиль?

— Мистер Эндрю Лэвиль в баре.

Дюнуа идет по сверкающим плиткам пола, в ослепительном свете множества ламп видна каждая заплатка на его обтрепанных внизу брюках. Навстречу ему, распространяя острый запах духов, идут женщины в жемчугах и длинных белоснежных меховых накидках.

В баре в нише за столиком сидит Андре Лавиль, он не один: с ним молодой человек в темных очках.

— А, мсье Дюнуа... — вынимая изо рта мундштук, говорит Лавиль.

Он полысел, пожелтел и обрюзг за эти годы.

— Садитесь, Поль. Ну, что скажете? Это мистер Хьюз, инженер из Детройта... Так сказать, ваш коллега.

— Жакелина сказала мне, что вы хотели меня видеть.

Андре Лавиль улыбается:

— Я полагал наоборот: вы имеете во мне нужду... Видите ли, Дюнуа... Я действительно полагал, что помогу вам устроиться. Вы знаете, как это сейчас трудно у нас, во Франции... Но все-таки вы мой родственник, муж моей сестры. Я мог бы устроить вас в одну франко-американскую компанию. Там нужны люди для сборки некоторых машин... секретного назначения.

Лавиль умолкает, смотрит на молодого человека в темных очках и говорит, слегка наклонившись:

— Это тот самый инженер, о котором я вам как-то говорил, Джемс. Но видите ли, Дюнуа, когда я говорил с Жакелиной, нам не были известны некоторые детали вашей жизни...

— Какие именно? — дрогнувшим голосом произносит Дюнуа. — Я вас не понимаю.

— Я предполагал дать вам работу особого характера... Есть такие отрасли производства, где работают абсолютно верные люди. А вы в Перпиньяне оказывали помощь некоторым людям...

— Из движения сопротивления.

— Да, но они коммунисты... Вашу дочь, Сюзанну, видят на митингах. Потом вы подписали протест против действий нашей армии во Вьетнаме... И, наконец, это воззвание...

— Я вижу, что вы действительно интересовались «деталю» моей жизни.

— Я навел справки, иначе я не мог поступить. Вы понимаете, дело, которое мы вам хотели поручить, обязывает...

Он снова вынимает мундштук и смотрит на человека в темных очках.

— Жаль... Вы были бы великолепно устроены. Полтораста долларов в месяц, поездки через океан, в сущности, не так уж много работы.

— И вы полагали, что меня устроит эта работа? Такая работа?

— Я не имел против вас злобы, хотя вы в те дни, помните, после освобождения Парижа, позволили себе грубую выходку... Но поймите, дело идет к войне, мы должны быть уверены в наших людях... Больше того, я хотел дать работу попроще, в одном мелком техническом бюро, такая работа не шокировала бы вас... Надеюсь, нет? Но и там мы желаем видеть наших людей.

Молодой человек в темных очках произносит длинную английскую фразу.

Андрэ Лавиль кивает и медленно поднимается.

— Я хотел дать вам немного денег для Жакелины...

— Идите к чорту! — весь дрожа, говорит Дюнуа. — Идите к чорту!

Он сам не помнит, как оказался на улице. В семь часов вечера он приходит к знакомому врачу, в пяти минутах ходьбы от дома. Врач измеряет давление крови, потом слушает сердце.

— Вам надо ехать в Руайя. Два месяца полного отдыха.

Дюнуа молчит. Врач прописывает патентованное средство — диуретин — и еще что-то... Дюнуа благодарит и прощается. Когда дверь за ним закрывается, врач отмечает в книге резкое ухудшение. Единственный пациент за два дня, и тот бесплатный.

Между тем Дюнуа едет на другой конец города, в Монруж. Там живет дама, которую надо уговорить купить автомобиль братьев Леказ. Это богатая и скупая датчанка. Дюнуа расписывает ей бьюик; нельзя упустить редкий случай: подходящая цена. Датчанка как будто согласна. Завтра он придет с младшим Леказом на бьюике в одиннадцать утра. Дюнуа весь дрожит, кажется, дело выходит... Теперь скорее к Леказам.

Сорок минут спустя он звонит у дверей квартиры на улице Молистор. Ему отворяет младший Леказ.

— А, старина Дюнуа... К вашим услугам.

— Я по поводу продажи машины.

— Какой машины?

— Вашего бьюика... Есть солидный покупатель. Одна дама... Нас ждут завтра в одиннадцать. Дело сделано, клянусь вам...

— Мсье Дюнуа, опомнитесь...

И младший Леказ покатывается со смеху:

— Я пошутил... Продать мой бьюик? Да никогда!

Он видит лицо Дюнуа и продолжает, сдерживая смех:

— Простите за шутку... Но войдите, вы как будто устали...

Стаканчик порто?

С трудом, волоча ноги, Дюнуа поднимается на шестой этаж. Ему отворяет Жакелина. Он идет мимо нее в кабинет, садится в свое кресло, потом откидывается назад и затихает.

Полчаса спустя Жакелине послышался его голос.

— Сейчас, — говорит она, бежит по коридору и спотыкается о фанерный ящик.

«Проклятые цветы!.. Когда их уберут?»

Она входит в комнату Дюнуа.

— Что за привычка сидеть в темноте? — и она зажигает свет.

— Поль!.. — вскрикивает она. — Поль!.. — и, задыхаясь от рыданий, падает к его ногам...

...На следующий день у дома восемнадцать на улице Молистор останавливается черная линейка. Консьерж, кучер, пожилая женщина и девушка в роговых очках выносят из двери гроб.

Кучер влезает на козлы.

— Мадам Дюнуа, — говорит соседка, — хоть бы один букетик цветов.

— Погодите, — глотая слезы, говорит Жакелина, — у нас есть цветы.

Она поднимается на шестой этаж, открывает фанерный

ящик и достает венок из стеклянных незабудок — искусственные цветы, патент мистера Хэмпфриса.

Кучер прилаживает венок к крышке гроба и нахлестывает лопашь. Предстоит долгий путь на кладбище бедных, в Иври.

...В воскресенье на стадионе тридцать тысяч человек слушают оратора. Высокий, худой человек, опираясь на край стола, говорит:

— ...Французы не могут оставаться спокойными, когда в их стране хозяин — господин Доллар! Преследуют честных людей — инженеров, рабочих, врачей — и дают работу предателям, шпионам, готовым на все! Лишают работы тружеников, обрекают на голодную смерть честных людей только за то, что они стоят за мир, только за то, что они против «грязной войны» во Вьетнаме!..

Девушка в роговых очках, Сюзанна Дюнуа, вздрагивает и закрывает лицо руками. Ее сосед, рослый юноша в фуфайке, берет ее под руку и говорит:

— Не надо плакать, товарищ... Надо бороться и победить!

И он смотрит в ту сторону, где черным полукругом охватывают входы в стадион люди в кеги и темносиних плащах и всадники в шлемах с карабинами через плечо.

«НЕОСТОРОЖНОСТЬ»

На палубе первого класса пассажирского лайнера «Королева Вильгельмина» стоял человек в темных очках, круглолицый, моложавый и подвижный, с двумя кожаными футлярами в руках. В футлярах были бинокль и фотографический аппарат. Но путешественник не прибегал к биноклю; он снял очки с темными стеклами, и его маленькие живые глаза скользили по открывшемуся перед ним большому океанскому порту. С необыкновенным любопытством он смотрел на ржавые океанские суда. Некоторые из них еще сохранили окраску военных лет, на других краска давно выгорела под отвесными лучами экваториального солнца. Вокруг была обычная суета гавани. Грохотали подъемные краны. Вплотную к бетонному причалу стояла баржа, уставленная выкрашенными в светло-желтый цвет танкетками. Подъемный кран легко подхватывал танк. Несколько секунд машина беспомощно покачивалась в воздухе, с задранными кверху гусеницами, потом, сделав полукруг в воздухе, медленно опускалась на берег.

Путешественник, видимо, соскучился, наблюдая это однообразное зрелище.

— Господин... — послышался вкрадчивый голос; стюарт-мадез, согнувшись, стоял перед путешественником. — Контроль паспортов...

Путешественник кивнул и спустился в салон.

Там сиял полный свет. Четыре хрустальные люстры светили, как в час ужина. Но на столах не было ни белоснежных скатертей, ни приборов. За столом в центре сидел чиновник в колониальной форме, в желтом кителе и коротких штанах. Лицо было притухшее, с рубцом тропической язвы на подбородке; воспаленные глаза смотрели скучно и холодно.

— Господин Пауль ван Брант? — произнес он тоненьким, почти женским голоском. — Кажется, так?

— Это я, — торопливо сказал путешественник, — сейчас... одну минуту...

Он хотел опустить руку в карман пиджака и достать паспорт, но вдруг почувствовал, что кто-то схватил его сзади за локти. Затем он ощутил сильную боль, прикосновение металла к кистям. Он рванулся, не понимая, в чем дело. Колониальный чиновник встал:

— Я должен вас арестовать, господин Пауль ван Брант.

Путешественник, которого называли Пауль ван Брант, стоял перед ним, шатаясь, обливаясь потом. Он раскрыл рот и застонал. Двое полицейских схватили его и, как куклу, потащили к дверям. Когда все ушли, в салоне, как в театре, сразу погасли огни. Но осветился трап. Первым спустился в катер полицейский чиновник. За ним шел арестованный, ноги его подкашивались, он весь дрожал. Теперь трудно было узнать в нем моложавого, благообразного пассажира первого класса, того, кто еще час назад с любопытством разглядывал большой торговый порт индонезийского архипелага.

Протяжно, на высокой ноте завывал мотор, автомобиль круто поднимался вверх между бетонными стенами крепостного спуска. Арестованный сидел рядом с полицейским.

Потом машина выехала на прямую дорогу. Одним концом дорога упиралась в ущелье крепостного спуска, другим — в горы. Арестованный долго глядел в небо, потом опустил голову и снова увидел облитую известкой дорогу, упирающуюся одним концом в океан, а другим — в горы. Залитые водой рисовые плантации лежали по обе стороны дороги. От густых, ржавых испарений тяжелела и кружилась голова и, точно клещами, сжимало виски. Машина рассекала упругий от влажности воздух. Лучи фар тускнели. Затем в этом тусклом свете неясно возникли наклонные и прямые стволы пальм и перистые, спа-

— Это вы называете уликой?

— Разве этого недостаточно? — ответил этот колониальный идиот. — Неужели вы будете отрицать, что вы агент Москвы?

Мне осталось только развести руками. Впрочем, на меня тотчас надели наручники. Меня увезли в тюрьму. Там я просидел еще шестнадцать дней. У меня начались приступы лихорадки. Я лежал в забытии. И я бы умер в отечественной колониальной тюрьме после того, как выжил в нацистском лагере. Но, как вы видите, капитан, этого не случилось. Однажды утром дверь калитки открылась, и меня отвезли к тому же полковнику колониальных войск... За меня заступились мои друзья. Они узнали о том, что со мной случилось, они открыли кампанию в левых газетах. Один депутат парламента выступил в защиту человека, вся вина которого заключалась в том, что он благодарил своих спасителей, советских людей. Дело молодого врача, отправившегося служить в колонии, получило огласку. После этого меня было неудобно держать в клетке.

— Для вас будет лучше, если вы забудете всю эту историю, — сказал мне полковник, — в сущности, вы сами виноваты. Мы находимся в колонии, идет война. Наконец, вы должны понять, что вы совершили неосторожность в 1945 году, подписав это письмо... 1948 год — не 1945.

Неделю я пролежал в госпитале. Второй день я на ногах. Здоровье мое подорвано... Да, 1948 год — не 1945... Тогда вы, русские, спасли мир от фашистской чумы, а теперь вся нечисть, все предатели и негодяи обрушились на истинных спасителей культуры и Европы.

Пауль ван Брант помолчал и, глубоко вздохнув, сказал:

— Теперь вы понимаете, почему я хочу покинуть этот остров как можно скорее?..

— Понимаю, — ответил Лучинин.

УГАДЫВАТЕЛЬ МЫСЛЕЙ

1

Это было в столице Португалии, на площади генерала Оливареса. Два человека вышли из автомобиля и остановились у большой афиши мюзик-холла «Казино Трианон».

На афише была изображена голова в гриме Мефистофеля и над головой — огромный вопросительный знак. Пожилой смуглый человек с седыми усами, повидимому, военный в штатском платье, посмотрел на своего спутника, потом на мрачное,

похожее на гараж здание, над которым среди дня светила вывеска «Казино Трианон». Затем оба подошли к кассе, купили билеты в ложу и нерешительно вошли. Автомобиль, который привез этих людей, стоял в отдалении. Полицейский уважительно посмотрел на дорогую машину: такие автомобили редко появлялись в этой части города, вблизи порта.

Тем временем двое приехавших на этой машине уже сидели в ложе бель-этажа и с выражением недоверия и брезгливости оглядывали потолок из гофрированного железа, железные арки, поддерживающие потолок, похожие на фермы моста.

Публики было немного. Это была публика приморских кварталов: грузчики из порта, матросы и девушки. Мужчины курили, девушки ели бананы, бросая шелуху прямо на пол, перекаляясь с приятельницами в ложах. Немногие смотрели на сцену: там два клоуна, тощий и толстый, хлопали друг друга по щекам. Это было дешевое варьете, представление здесь шло непрерывно с полудня до полуночи, программа повторялась, люди входили и уходили во время действия.

Человек с седыми усами пожал плечами и вопросительно посмотрел на своего спутника — благообразного, круглолицего старика; тот успокоительно кивнул. Тем временем оркестр заиграл туш, и два служителя вынесли на сцену кресло с каким-то странным прибором, похожим на шлем летчика. Затем на сцену вышел высокий седой человек с угрюмым взглядом, желтым продолговатым лицом и длинными, висящими, как плети, руками. Старый, вытертый фрак висел на нем, как на вешалке. Он шел по сцене, волоча ноги, не обращая внимания на публику. Размотав провод, он прикрепил один конец его к прибору на спинке стула, а другой конец сунул к себе в карман.

Странно, что публика, до этого времени не обращавшая внимания на сцену, теперь притихла и внимательно следила за тем, что проделывал этот человек.

Когда приготовления были кончены, человек во фраке подошел к рампе и глухим, простуженным голосом сказал:

— Руфус Хардт, Угадыватель мыслей. Сенсация. Только в «Казино Трианон».

Затем он сделал жест, как бы приглашая желающих подняться на сцену.

Сначала на сцене появилась веселая парочка — две девушки, повидимому, подружки. Одна села в кресло, другая стала позади, положив подруге руку на плечо. Угадыватель мыслей

опустил шлем так, чтобы он касался висков девицы в кресле, затем отошел в сторону и, не глядя в публику, заговорил:

— Мария-Розита, вы все еще думаете о том разговоре, который у вас был с хозяином отеля «Принц Карлос». Вы боитесь, что вас уволят... Ваших сбережений, вы думаете, хватит ровно на две недели, правда, у вас в закладе кольцо с двумя камешками... Ваша подруга служит лифтершей на улице святой Евгении... контора Руис и сын... Так?

— Клянусь...—пролепетала, краснея, девушка,—клянусь матерью, он говорит одну правду...

— Вы получили письмо Хуана... из Монтевидео... Он пишет, что очень сожалеет, но...

— Не надо! — взвизгнула девушка, сидевшая в кресле, и, увлекая за собой подругу, сбежала по лесенке в зал. Это было так искренно и так неожиданно, что весь зал дрогнул от хохота.

Два человека в ложе поглядели друг на друга.

— Ловко сделано,—сказал человек с седыми усами,—эти девицы—настоящие актрисы.

Вторым поднялся на сцену широкоплечий рыжеволосый человек. Нетрудно было угадать его профессию, по внешности это был моряк. Но угадыватель мыслей не говорил об его профессии.

— Почему вы не носите военной медали? Вы ее заслужили, когда спасали людей с «Голиафа»... Вы удивляетесь? Вы тоже считали меня шарлатаном?... Хотите, я вам скажу название книги, которую вы оставили открытой в вашей каюте на странице 118?... Это «Девяносто третий год» Гюго... Хотите, я вам скажу, что думаете об этой стране...

Моряк стащил с головы прибор, похожий на шлем, и поднался.

— Счастливый путь, капитан Ларсен,—сказал ему вдогонку угадыватель мыслей.—Ваш корабль называется «Антиох», вы отчаливаете в субботу, правда?

— Вы думаете, что и этот человек актер?—спросил круглолицый старик своего спутника.—Все это легко проверить.

Тем временем в кресле уже сидел маленький, сухой господин в пенсне, с трубкой в зубах. Он недоверчиво усмехался, лукаво подмигивая публике, пока угадыватель мыслей прилаживал свой прибор.

Угадыватель мыслей заговорил:

— Вы в самом деле хотите, чтобы я сказал вслух, кто вы такой?... Я не решусь это сделать, но не потому, что не могу,

а потому, что угадыватель мыслей Руфус Хардт не хочет иметь неприятности с тайной полицией... Прошу вас, отправьтесь туда и скажите хотя бы самому генералу Баррасу, что Руфус Хардт—доброспорядочный гражданин и к нему не надо посылать тайных агентов...

Господин с сигарой вздрогнул, отстранил шлем и вскочил с кресла. Смех пробежал по рядам зрителей.

— Ну, что скажете?—спросил человека с седыми усами его спутник.

— Я ничего не понимаю. Я послал лучшего из моих агентов. Это чорт знает что такое!

— Это очень серьезно. Мне говорили в посольстве Штатов...

Затем они оба покинули зал, и сверкающий автомобиль унес их из мрачных и грязных кварталов порта.

— С тех пор, как радио сделало такой шаг вперед, некоторые профессии стали более доступными. Теперь радар указывает приближение врага в воздухе и на воде, теперь человек с помощью инфракрасных лучей видит в тумане и ночью, и почти каждый человек может быть ночным летчиком.

— Но какую это имеет связь с чтением мыслей?

— Разве вы не слышали о приборе, который называется электроэнцефалограф? Я видел его в Лондоне на выставке. Этот прибор записывает электрические импульсы, возбуждаемые работой мозговых клеток... Разумеется, это—только начало.

— Читать мысли человека? Читать самые сокровенные мысли? Вы понимаете, что это означает? Нет тайной дипломатии, нет тайной полиции, все, что вы готовили в абсолютной тайне, не доверяя ни одной душе,—все это мгновенно становится известным, записанным и расшифрованным! Человек, у которого находится этот дьявольский прибор, становится всемогущим. Хорошо, если этот человек нашего образа мыслей. А если... На этом кончился разговор.

2

В апартаментах отеля была тишина и прохлада. И среди кричащей роскоши еще угловатее и нелепее выглядела фигура Руфуса Хардта—угадывателя мыслей. Зато его собеседники—смуглый, с седыми усами генерал Баррас и круглолицый и подвижной профессор Лупо,—казалось, были созданы для этого апартамента, где металл, стекло, золотистый шелк—все убранство напоминало стенд модной архитектурной выставки «Лето после войны».

— Итак, господин Хардт,—вкрадчиво и почтительно говорил профессор Лупо,—около года назад патентное бюро «Гелиос» получило странное предложение некоего господина Рюэля. Этот человек предложил ознакомиться с описанием изобретенного им прибора, который он назвал синсерометром. Из письма неизвестного можно было заключить, что основу прибора составляет уже известный электроэнцефалограф, прибор, записывающий электрические импульсы, возбуждаемые работой мозговых клеток. С помощью синсерометра Рюэль мог записывать и расшифровывать мысли испытуемого человека. Господин Рюэль предложил представить описание его прибора, но только в том случае, если патентное бюро гарантирует тайну изобретения. Патентное бюро предложило дать такие гарантии, но письмо, отправленное господину Рюэлю, вернулось: адресат не был разыскан. Все же патентное бюро, полагая, что письмо господина Рюэля не плод фантазии маниака, направило это письмо мне, вице-президенту академии...

— И вы думаете, что Рюэль—это я?—грустно усмехаясь, сказал Руфус Хардт.

— Да. И мне кажется, я не ошибся.

— Я очень польщен таким вниманием к фокуснику из «Казино Трианон».

— Да, я четыре раза ездил в «Казино Трианон». И я убежден, что вы не фокусник, а гениальный изобретатель.

— Странно только одно,—неожиданно заговорил генерал Баррас,—странно, что вы дали такое неожиданное применение вашему изобретению.

— Предположим,—пробормотал Руфус Хардт,—предположим, что я бы хотел дать моей способности угадывать мысли другое применение... Что тогда?

— Здесь речь идет не о способности читать мысли людей, а о замечательном открытии. Вы открыли прибор (называйте его синсерометром или суперэлектроэнцефалографом), вы можете записывать и расшифровывать работу мозга. В этом, дорогой мсье, вы не разубедите меня,—с некоторым раздражением говорил профессор Лупо.

— Послушайте, господин Хардт, или господин Рюэль,—снова неожиданно заговорил генерал Баррас,—профессор говорил как представитель науки. Народом управляют солдаты, а не ученые. Я хочу знать, по какой причине вы предпочитаете «Трианон»? Так больше продолжаться не может. Не может человек, читающий мысли, свободно жить в Португалии; это опасно для правительства, для государства. Моя секретная

служба донесла мне, что вы храните в абсолютной тайне ваше открытие. В нашем приборе не все понятно нашим инженерам. Видите, я с вами откровенен, нет нужды читать мои тайные мысли.

— Это хорошо,—вдруг перебил генерала угадыватель мыслей,—я всю жизнь искал правду.

— Тогда мы пойдем друг друга,—продолжал генерал Баррас.—Не будем терять времени. Я должен знать, кто вы? Гений или шарлатан. Если вы гений, вам будет воздано по заслугам. Но гений не должен ломаться на подмостках мюзик-холла. Что вас привело туда?

— Это грустная история,—вздыхнув, сказал угадыватель мыслей.—Если хотите, я расскажу вам все.

— Мы слушаем, говорите.

— Один великий человек,—начал угадыватель мыслей,—величайший ум, однажды так сказал о синсерометре: «Это—новое французское слово, обозначающее инструмент для измерения искренности: подобного инструмента еще не изобрели». Два года назад я был почти у цели, но это еще не был синсерометр. Электроды, прикрепленные к голове испытуемого, принимали электрические импульсы, возникавшие вследствие работы мозговых клеток. Эти импульсы поступали в ламповые усилители и заставляли действовать перо пишущего прибора. На бумажной ленте вычерчивалась кривая, усиленная умственной работой вызывала быстрые и резкие колебания... Вот что было началом. Я усовершенствовал этот аппарат, теперь я могу читать мысли человека, больше того, я могу сосредоточить мысль человека и довести ее до логического конца.

— Поразительно!—воскликнул профессор Лупо.

— Я впервые испытал действие моего прибора на одном возвратившемся с войны человеке, которого все считали образцом рыцарских добродетелей. Его окружал почет, он был олицетворением мужества, благородства... Однажды мы остались с ним с глазу на глаз... Я заставил его сосредоточиться на том, что, видимо, было его навязчивой мыслью. Я рассказал ему правду о том, что он пережил в дни войны, однажды ночью в Дюнжерке. Я прочел его мысли и рассказал ему о том, что он считал скрытым навеки. Этот человек присвоил себе чужой подвиг, он украл чужую славу, славу человека, который погиб в бою. Он ушел от меня потрясенный и жалкий. Но на следующее утро он пришел ко мне и сказал, что мне надо убраться из города, что он принял меры и, если я не уеду в тот же день, я буду арестован, как шантажист и клеветник... «Кто вы?—кри-

чал он. — Вы нуль, ничтожество! С моими связями, с моим богатством я раздаю вас, как червяка! Не будьте Дон-Кихотом, вот деньги, возьмите и уберите!»

— И вы уехали?

— Да. Я не мог рисковать моим открытием. Я уехал в другую страну. Я стал думать о том, чтобы закрепить мое изобретение, взять на него патент, как на всякое другое изобретение. В конце концов это — научное открытие, и только. Я обратился к моему старому знакомому, адвокату — когда-то мы учились в одном колледже. Я присутствовал на суде, где он защищал миллионера, присвоившего наследство своей падчерицы, которая погибла при таинственных обстоятельствах. После его блестящей речи в защиту обвиняемого я прочитал моему знакомому запись его мыслей во время речи, я демонстрировал на нем работу моего синсерометра. Впечатление было ошеломляющее. Он не сразу пришел в себя и потом сказал: «И вы собираетесь применять вашу дьявольскую машинку? Кто вам это позволит? Поставьте себя на место судьи, прокурора, адвоката, на мое место. Разве мы в нашем добропорядочном буржуазном суде, который существует столетия, оплоте права собственности, разве мы бываем искренними, когда требуем наказания или оправдания обвиняемого?» И он посоветовал мне молчать о моем открытии...

— Вот почему вы не ответили на письмо патентного бюро...

— Произошло нечто неожиданное. Я почувствовал, что за мной следят, что со мной происходят случайности, которые грозят гибелью. В Париже, на улице Мира, меня едва не раздавил автомобиль. Потом это повторилось еще раз. Я хорошо спрятал мой прибор, они не могли догадаться, где я его прячу. Но с помощью этого прибора я понял, что меня предал мой старый знакомый, что меня хотят впутать в одно мерзкое дело. Я понял, что надо бежать из этого города, из страны... Я продолжал работать над проблемой синсерометра. У меня оставалось еще немного денег. Я продолжал совершенствовать мой прибор. При некоторых благоприятных условиях я мог принимать и записывать мысли, правда, не всех, но некоторых подходящих индивидуумов. Таким образом я случайно записал ход мыслей некоего Руперти, финансиста, короля хлебной биржи. Я написал ему письмо и намекнул ему на одну интересующую его операцию с пшеницей. К удивлению всех его служащих, он принял меня в тот же день. «Послушайте, — сказал мне Руперти, — я думаю, что мне одному могла прийти в голову мысль о такой выгодной комбинации. Вы когда-нибудь занима-

лись хлебной торговлей?» Я ответил, что никогда не спекулировал пшеницей, но мне известен его план, который обрекал на голод большую часть населения страны. «Сколько вам нужно денег, чтобы вы молчали?» Я ответил, что мне не нужно денег, но я требую, чтобы в интересах народа он отказался от своей аферы. «Вы идиот! — закричал он. — Я мог бы вас вытолкать в шею, но каким образом вы узнали то, что я скрывал от всех, кроме одного человека? Вы знаете, кто этот человек?» «Знаю», — ответил я и назвал имя премьер-министра. «Чорт возьми, вы читаете мысли людей!.. — прошептал он. — Вот деньги, возьмите и уберите!»

— Мне пришла в голову мысль отправиться к кардиналу Гермониусу. Я думал, апостолическая церковь, отцы церкви, глаголющие о правде, справедливости, протянут руку помощи бедному ученому, изобретателю прибора, читающего в сердцах... Моя мать была ирландкой, верующей католичкой, впечатления детства еще жили во мне. Кардинал принял меня в монастыре Юста. Это был еще не старый человек с глазами рыси. Он выслушал меня и сказал: «Если вы действительно изобрели такой прибор, святая церковь придет вам на помощь. Вы изберете самый отдаленный монастырь, там вы проведете остаток своих дней в довольстве, мире и тишине. Что же касается вашего прибора, то это изобретение человеческого ума послужит во славу церкви. Мы изберем наиболее достойных отцов церкви и сделаем их святыми при жизни, ибо только святой может читать в сердцах людей. Это будет истинное чудо, и слава о святых отцах церкви разнесется по всему миру».

— И вы согласились?

— Конечно, нет. Я ушел из монастыря и еще раз посмеялся над собой... Был в этой стране человек, который стал особенно известен после войны. Он был лидером оппозиции в парламенте, красноречивым оратором, я слышал по радио его речи о горестной судьбе маленьких людей, об их безрадостном труде, об отчаянии и тревоге, которые владеют миллионами людей. Он красиво говорил о демократии, свободе, социальной справедливости. И я решил: вот человек, который поймет всю важность моего открытия. Мы будем предупреждать заговоры против мира, против человечества, мы раскроем неслыханные преступления жадной своры банкиров, мы будем изобличать продажных журналистов, мы будем грозой интриганов и политических авантюристов... Лидер оппозиции принял меня после завтрака в посольстве. Он, конечно, не знал, что я про-

чел это в его мыслях. Он принял меня у себя в саду после полудня. Он курил сигару и находился в том состоянии дремоты и благодушия, какое бывает у довольных собой, удачливых людей после хорошего завтрака и успеха в обществе. Пока я рассказывал ему о своем приборе, он лениво размышлял: «...какой-то маниак, шизофреник... не много ли я съел утки... руанская утка... для завтрака это тяжело... но зато «Шато ля роз» 1918 года из дворцовых погребов великолепно... точно не было войны... Нет, это помешанный... о чем он говорит... суперэлектрэнцефалограф...» Здесь мой собеседник сделал серьезное лицо и сказал: «Неслыханно!.. Гениально!.. Величайшее открытие! Вы, несомненно, заслужили благодарность человечества...» А мозг его продолжал лениво работать: «...граф Койти был со мной очень любезен... но посол, посол превзошел себя... Если государственный секретарь действительно назвал меня опорой нового порядка, — это превосходно, это прекрасно!.. В будущем году я смогу купить виллу возле Ментоны или Ниццы... Стоит или не стоит приобрести акции Стального треста?.. Я выпил два бокала шампанского, потом рюмку ликера... хорошо бы подремать... боже, когда же, наконец, уйдет этот маниак?» Тогда я встал и сказал лидеру оппозиции: «Вы можете считать меня маниаком, пожалуй, вы правы, но в следующий раз не назначайте прием после двух бокалов шампанского и рюмки ликера... Желаю вам успехов, покупайте виллу на берегу Средиземного моря и акции. С помощью посла Соединенных Штатов вы скоро будете министром». И я ушел, оставив его окаменевшим от изумления в кресле в саду, где он отдыхал после завтрака у господина посла. Это было перед моим путешествием к вам, в Португалию.

— Дальше... — задумчиво произнес генерал Баррас.

— До сегодняшнего дня я чувствовал себя превосходно в роли угадывателя мыслей из «Казино Трианон». Я, изобретатель синсерометра, буквально нашел себя. Но сегодня, когда я пил мой утренний кофе в баре, возле моей гостиницы, ко мне подошли два рослых парня и пригласили меня следовать за ними. Они усадили меня в автомобиль с государственным гербом на дверцах и привезли меня в этот отель... Я мог бы предвидеть этот вынужденный визит к вам, но я был совершенно спокоен все эти дни, я был уверен, что угадыватель мыслей из мюзик-холла не представляет никакого интереса для вас, господа... Прибор мой в это время находился в моей артистической уборной в «Казино Трианон», и я был беспомощен...

— Нам особенно приятно, что ваш визит к нам был сюрпри-

зом, — благодушно улыбаясь, сказал профессор Лупо, — теперь ваш образ жизни совершенно изменится. Мы избавим вас от необходимости выступать в жалком мюзик-холле, теперь вы будете работать для нас, и вам будет воздано по заслугам, мой дорогой друг... Тем более потому, что вы один на свете умеете обращаться с этим прибором.

— Нет, — твердо возразил угадыватель мыслей, — что бы со мной ни делали, никогда больше я не прикоснусь к инструменту для угадывания мыслей. Здесь, в руках честных людей, он бесполезен, а в руках злодеев он может принести только вред.

— С этого дня вы можете быть совершенно спокойны за ваше будущее, — подтвердил генерал Баррас и встал, показывая этим, что аудиенция кончилась.

Несколько минут спустя автомобиль генерала со спущенными занавесками отъехал от подъезда отеля, где происходила эта беседа. Изобретатель синсерометра сидел рядом с генералом.

Они ехали около часа, затем автомобиль остановился, и когда угадыватель мыслей вышел первым, он увидел мрачное здание, окруженное высокой каменной стеной и проволоочной изгородью. Это была знаменитая секретная тюрьма святой Евлалии.

— Вы, надеюсь, понимаете, — сказал генерал Баррас, — что я должен был проявить особое внимание к человеку, который умеет читать мысли... И я сделал все, что мог.

Вслед за этим угадыватель мыслей очутился в одиночной камере уголовной башни секретной тюрьмы, где ему суждено было, по всей вероятности, кончить свои дни.

— Что же касается вашего прибора, синсерометра или суперэлектрэнцефалографа, как вы его называете, то мы о нем позаботимся, — на прощанье сказал генерал.

В тот же день автомобиль генерала Барраса видели на площади у подъезда посольства, над которым, по случаю национального праздника, развевалось звездное знамя Соединенных Штатов.

В посольстве происходил официальный дипломатический прием. Господа дипломаты развлекали дам дипломатического корпуса, молодые секретари обучали светских львиц новому, только что изобретенному в Голливуде танцу.

Никто не заметил, как генерал Баррас уединился в верхнем салоне с атташе американского посольства.

— Вы были правы, — улыбаясь, говорил генерал Баррас, — он оказался несговорчивым.

— Я прав, как всегда. И если эта штука, которую придумал этот упрямый тип, не может служить нам, пусть она не существует...

— Это решено.

— Кто бы мог подумать, что на земле существуют такие фанатики! — швыряя сигарету, сказал атташе. — Нам еще много придется потрудиться, пока мы научим мир американскому образу жизни...

— Американскому образу мыслей... — осмелился поправить атташе посольства генерал Баррас.

Здесь, в стенах посольства, в особенности в то время, когда генерал Баррас говорил с атташе, он совершенно терял свой обычный, представительный облик.

— Значит, решено: если мы не можем использовать этот аппарат...

— Синсерометр.

— ...Синсерометр, то он не должен существовать.

На этом кончился разговор.

Через день в вечерних газетах, в отделе происшествий, появилось сообщение о пожаре в «Казино Трианон», уничтожившем мюзик-холл. Газеты сообщали, что погибли костюмы, вся бутафория артистов, гимнастические приборы. «Предполагается поджог с целью получения страховой премии», — писали газеты.

Изобретатель синсерометра об этом, конечно, не узнал. Режим тюрьмы святой Евлалии был приспособлен для того, чтобы узник забыл все на свете и весь свет забыл об узнике.

СОДЕРЖАНИЕ

Лейтенант запаса	3
Инженер Дюнуа	12
«Неосторожность»	22
Угадыватель мыслей	30

Редактор — А. СУРКОВ.

Л — 01542. Подписано к печати 15/II 1951 г. Тираж 150 000. Заказ 181.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.